

**В**СТРЕЧА с Муслимом Магомаевым состоялась. Долго, обстоятельно беседовали о законченных впечатлениях, естественно — о делах эстрадных «у них и у нас». Серьезный, порой острый разговор. Но начался он с несколько неожиданной «ноты»: первое, что бросилось в глаза в квартире Магомаева — Синявской, — огромная, завораживающей красоты елка, переливающаяся огоньками всех цветов. А подле нее, ростом едва ли не с годовалого ребенка — «живой» Санта-Клаус. От него невозможно оторваться. Наверное, хозяевам тоже, потому и обитает это чудо в доме, хотя и Рождество, и Новый год давно миновали...

— Чудо? А теперь представьте себе, что на Рождественские праздники американцы так вот украшают чуть ли не каждое деревце на улице — красота сказочная. Психология совершенно иная: мы украшаем свой дом внутри, чтобы самому было приятно, а они выносят свое праздничное настроение и за порог, чтобы прохожим было радостно.

— Видите, Муслим, — говорю, познакомив собеседника с письмом Максимовых, — вы под зорким оком своих почитателей. За последнее время особенно много писем, телефонных звонков — после телевизионных передач с вашим участием, после упоминания в одной из статей в «СК» о посещении вами с Тамарой США. Ждут информации.

— Это была уже шестая поездка в Америку. Причем две предпоследние из них связаны с Ланца, с работой над книгой об этом великом певце. Писалась монография нелегко, так как издания о Ланца часто расходились в сведениях. (Должен отметить, что прекрасным помощником в литературной обработке текста стал писатель, журналист Виктор Уланов). Я понял, что нужны первоисточники, и в поисках их направился в Штаты. Честно говоря, ехал в никуда. Единственное мое оснащение — кливлендский адрес и телефон некоего Винсента де Фини — простого газетного агента, который по ночам развозит прессу, а днем после короткого сна занимается множеством дел, и среди них главные связаны с Ланца. Трудяга, типичный американец итальянского происхождения, он до беспамятства влюблен в пение Марко Ланца и постоянно — в поисках материалов о нем. Ездит на разные аукционы в надежде обрести что-то новое и тратит на это значительную часть зарплаты. Дома у него богатейшая коллекция — костюмы Ланца, шляпы, личные клавиры певца, афиши разных лет, пластинки с портретами Марко и многое другое. Дом-музей Ланца в Филадельфии не имеет такого количества экспонатов.

Винсент де Фини и его супруга Антуанетта приняли меня с таким радушием, словно мы были знакомы всю жизнь. Он утверждает, что бесконечно благодарен Ланца — он даровал не только несравненное искусство, но и множество друзей во всем мире. Винсент предоставил мне все собранные им материалы, и за полтора месяца работы над ними многое удалось прояснить. Я уже был во всеоружии, чтобы писать книгу. (Недавно супруги де Фини посетили Москву по нашему приглашению).

Нынешнюю поездку в Филадельфию мы с Тамарой предприняли на торжества, проводимые ежегодно в память о Марко Ланца, когда отмечают дату его смерти. Самым удивительным стало для меня, что это отнюдь не скорбный ритуал, а торжественный праздник (приглашенных 500—600 гостей), за которым следует роскошный бал, как организаторы называют, «траурный бал», а затем концерт — своеобразный отчет студентов, обучающихся за счет Фонда Ланца. Этот фонд организовали семья Марко, дочери Элиса и Коллин, сыновья Деймон и Марк, а также Общество Марко Ланца. Средства фонда складываются из членских взносов и процентов, получаемых от изданий и переизданий пластинок, а также поддержки богатых меценатов.

Одним словом, можно лишь восхищаться тем, как хранят американцы и чтут память о прославленном своем артисте. Правда, молодежь Америки имеет на выдающихся певцов того времени ничего не говорят — она под стать нашим ребятам, которые не знают даже содержания «Евгения Онегина», а классическую музыку ненавидят. И говорят об этом по телевидению чуть ли не с гордостью. Если пойдет так дальше — деградация наступит полная.

— Но это относится к молодым людям. А в целом, судя по тому, что вы рассказывали, Ланца совсем не обиден вниманием. Кстати, приезд гостей из Советского Союза на ежегодные торжества в честь Ланца — традиция!

— Нет, мы были первыми. Здесь, безусловно, сыграла свою роль моя работа над книгой о Ланца. Гостям нас с Тамарой представил Терри Робинсон, ближайший друг артиста и автор одного из изданий о нем, как известных советских певцов, а затем, сообщив, что я создатель новой монографии о Марко, процитировал несколько моих фраз из книги, на его взгляд, точно раскрывших эту могучую личность. Затем нас стали настойчиво просить спеть. Признаться, положение сложилось крайне трудное: прямо с самолета мы прибыли «на бал», абсолютно без сна, не адаптировавшись (по московскому времени было 5 утра), но мы каким-то необъяснимым образом держались. Волновались страшно — ведь петь надлежало перед аудиторией поклонников Марко Ланца, они привыкли сравнивать все со своим кумиром. Однако приняли нас прекрасно. Апофеозом стала песня «Вдоль по Питерской» — она в любой стране, в любой аудитории имеет успех — будь то элита, считающая музыку XVIII века, или молодежь, для которой ничего, кроме рока, не существует. А в свое время руководство Министерства культуры СССР нещадно «било» меня за «осквернение» фольклорного богатства. Я же считаю, что, не изменив ни одной ноты, я обрел «шлягер», который во все времена принимается на «ура».

— А как вообще встретила вас Америка и как вы встретились с ней!

— Очень большая разница между впечатлениями от первой поездки и сейчас. Тогда я видел «русскую Америку» только в зале. Мой импресарио Виктор Шульман (выходец из России) не хотел, чтобы я общался со своими бывшими соотечественниками. Ко мне были приставлены «стражи» — громилы с пистолетами, входящих проверяли «на металл». Вспоминаю смешной эпизод: однажды я взбунтовался по поводу того, что во время концерта по бокам сцены торчат здоровенные полицейские, мешая и мне, и слушателям. «Декорация» устрашающая. Настоящие прось-

**Дорогая редакция! Мы внимательно следим за вашими публикациями и все не можем дождаться, когда вы расскажете о Муслиме Магомаеве. Последняя весточка о нем в «Советской культуре» — отклик на цикл радиопередач об Элвисе Пресли, где Муслим Магомедович — автор и ведущий. Слышали, что недавно он побывал с Тамарой Синявской в Штатах. Что это было — концертное турне или прогулка?**

Семья Максимовых.

Муслим Магомаев:

# У НИХ И У НАС

бы убраться их не помогали. Видимо, Шульман всерьез думал, что злал собрался меня убить. Тогда неожиданно для всех я спрыгнул с микрофоном со сцены и на ходу продолжал петь пахматовскую «Надежду», а публика с воодушевлением подпевала. Один из «телохранителей» ринулся тут же за мной, делая вид, что поправляет микрофонный шнур. Он следовал по пятам, пока я, рассвирепев, не произнес на чисто русском языке три слова. Здоровенный негр мгновенно ретировался под общий визг зала.

Не забыть мне никогда и реакции публики на мое обращение к присутствующим со словами: «Здравствуйте, дорогие друзья!» (тогда у нас в стране их называли по-другому...) Мои слова вызвали бурю эмоций, некоторые чуть не плакали. И только потом я понял, что бывшие соратники ждали, какую тональность я выберу в общении с ними. Я никогда не считал и не считаю людей, уехавших от нас, врагами: человек волен, на мой взгляд, жить там, где ему хорошо.

Между прочим, люди, покидающие Родину, по-разному относятся к дальнейшей жизни: одни мечтают оторваться от прошлого, стать американцами и начать все заново; другие — воссоздать на чужой земле то, к чему привыкли. Сейчас Брайтон — «русская Америка» или «американская Одесса» с примесью Киева и Львова. Русская речь, русские вывески, русские продукты — только это изобилие. Идешь по улице — из одной динамик песни Аллы Пугачевой, из другого — «смех сквозь слезы» Михаила Задорнова, из третьего — долго «сыплет соль на рану» Вячеслав Добрынин, из четвертого — еще что-то наше. Одним словом, идешь, тебя «сопровождают» собратия по искусству.

А чтобы увидеть множество соотечественников, находящихся в Америке временно, с обратным билетом на Москву, достаточно зайти в магазин «Наргиз», маленький ГУМ на Брайтоне. Вывеска говорит сама за себя: «Все для граждан СССР». Видео- и аудиотехника, шубы, куртки, телефоны, часы, посуда... Низкие цены при хорошем качестве влекут сюда наших граждан. Хозяева — бывшие банкиры Рональда Рейгана, хорошие друзья. Сейчас они достаточно обеспеченные люди, и невольно приходит мысль: в лице таких бизнесменов в свое время мы потеряли множество талантливых предпринимателей, устранив на них гонения и называя «отбросами общества».

Очень много встреч было в Америке с нашими бывшими соотечественниками — музыкантами, артистами. Такие известные нам исполнители, как Вилли Токарев, Михаил Гусман, некий эстрадный певец, порожденные самой эмиграцией в Филадельфии живут блистательный музыкант-тромбонист Алиш Шабашев. Когда-то мы исколесили с ним с гастрольями весь Дальний Восток. Затем потеряли друг друга. Я думаю, что он уехал на родину, в Казахстане. И вдруг неожиданная встреча на Манхэттене, где проходили мои концерты. Разговорились. Труден был путь его возрождения на американской земле: побывал и маляром, и на танси «апонаталс», стал музыкальным руководителем крупнейшего ресторана «Националь» на Брайтон-бич. Женится. Жена Элла Розенберг — талантливейшая певица, поет со своей сестрой-двойняшкой Динной. Они известны в Америке как дует «Сестры Роуз», в прошлом «дуо выступали по ЦУ в передаче «Шире круг».

Одно печально — «отняты» прекрасные музыканты в ресторане советскую поп-музыку не самого лучшего качества. Сегодня она прозвучала по нашему телевидению, а завтра ее уже поют на Брайтоне. Я как-то спросил Алину: «Ты же прекрасный музыкант. Наверно, противно играть всякую ерунду». Ответ был однозначным: «Это, Муслим, моя работа». Но когда нет заказов, ребята играют Гленна Миллера, Гарри Уоррена, что-то из джазовой классики. Играют для себя, для самоочинения.

Долго и грустно называть фамилии всех, кто мне встретился там. Увы, сегодня их в Штатах много. Хорошо, что наконец артисты свободно могут работать за границей по контрактам. Это уменьшит утечку из Советского Союза талантливых людей, их не будут лишать гражданства, как это было с Ростроповичем и Вишневецкой. Они остаются нашими, и хочется верить, что станут чаще посещать свою страну.

С другой стороны, отъезд коллег пугает и масштабами, и тем, что сейчас к этому относятся с безразличием, а то и вызывающе бесцеремонно, как это получилось, к примеру, с выдающимся певцом Владимиром Атлантовым. Ведь по существу его вынудили уйти из Большого театра. Неужели же невозможно было примирить Атлантова с руководством Большого? Атлантов уехал. Теперь он в Австрии поет, имеет огромный успех, живет в полном благополучии, но, увы, не солист ГАБТа. Нелепо ждать, что он придет и скажет: извините, мол, возьмите меня обратно. А другого такого тенора нет у нас и в ближайшее время не предвидится... Сколько подобных примеров можно привести из жизни деятелей искусств! Хорошо, что Михаил Сергеевич Горбачев и Николай Николаевич Губенко помогли вернуть Ростроповича нам, что пригласили его посетить Советский Союз, выступить с концертами. И мы устроили ему — которого еще недавно обличали грязью, унижали — пышную встречу. Получается, что надо покинуть страну, чтобы въехать потом с помпой, на белом коне...

Восхищаясь мужеством и терпением нашего великого музыканта, дирижера Евгения Светланова, который всегда с Россией — и с плачущей, и с радующейся. Многие оставшиеся на родной земле деятели искусств ощущают свою «ненужность», «невостребованность», чувствуют себя «лишними людьми» в на-

шем новом обществе. Раньше, если кто-то застревал за границей, скандал поднимался неописываемый. Уехавшего сопровождали грязными статьями, а того, кто давал выездные характеристики этому артисту, таскали по всем инстанциям, иногда даже наказывали выговорами. Помнится, как-то закончил я гастроль в Западном Берлине и должен был немедленно его покинуть. Но через три дня предстояло выступление здесь Владимира Атлантова в «Отелло». Естественно, хотелось послушать друга. И для того, чтобы задержаться на эти дни, мне пришлось униженно просить посла. Тот в свою очередь связывался с Москвой, пока наконец мне великодушно разрешили остаться. Отвратительно! Теперь иная крайность: останься сегодня в Америке или еще где-то на 10 лет — никто не вспомнит, не спохватится: куда пропал артист?

Никогда мне не забыть полных тревоги глаз министра культуры СССР Николая Губенко, который, протянув руки к высокому сряду, звал: «Спасите нашу культуру!» А если бы министром был не артист, понимающий наши чаяния, а человек, равнодушный к искусству? Что было бы тогда с нами?

Как-то недавно, беседуя с Николаем Николаевичем Губенко о проблемах в нашей сфере, я спросил: «Что будем делать? Мой вопрос был воспринят однозначно: «Тонне собрался уезжать». Я поспешил ответить, что покидать родину мы не собираемся. Не смог я ее бросить ни в 60-х годах, ни в 70-х, когда было много лестных предложений, как, например, из заманчивого парижского театра «Олимпия». Его генеральный директор Бруно Конатрис, наблюдая мой успех в Париже, предложил Екатерине Алексеевне Фурцевой «отдать» меня ему на пару лет. За эти два года, говорил продюсер, я заплачу свои деньги, буду держать его на полном пансионе и сделаю ему рекламу по всему миру. И через два года он будет артистом, дающим золотые прибыли. Фурцева отказала: «Он нужен нам на правительственных концертах. Это постоянно просит наше руководство». И действительно просил — вначале Никита Сергеевич, затем Леонид Ильич, потом Юрий Владимирович...

Предложение Конатриса в ту пору для меня было очень заманчивым: какой артист не мечтает о мировой славе и иному нужна, пусть даже «золотая», но «летнка»? Я бы мог просто уехать и остаться. Но не мыслить жизни без своего банинского двора, друзей, родных. Мой дядя, заменивший мне отца, который погиб на фронте, был на ответственной работе — постпредом Азербайджана в Москве. Что стало бы тогда с ним?

Сейчас мне некоторые говорят: «Ты процветал — любил всех секретарей, всей элиты высшего эшелона». Но — бойся любви королей! Я был все время в поле зрения Министерства культуры СССР: постоянное вмешательство в репертуар; по городам, где я выступал с концертами, неизменно следовали ревьюеры, чтобы выяснить, сколько я спел и сколько получил. А гонорар мой был тогда похож на пособие по безработице. И это при том, что домик именем заполнялись 50-тысячные стадионы, и филармония таким образом могли аннулировать свои «долговые» картотеки.

Однажды один из директоров решил совершить доброе дело и незначительно завышенной суммой в договоре поощрил меня. Я эту бумажку подписал и этим... подписал себе приговор. Меня наказали полугодовым затворничеством, запретив показ по ТВ и отменив все выступления по стране и за рубежом. Спас положение Андропов. Во Дворце съездов должен был проходить юбилей КГБ. Юрий Владимирович позвонил Фурцевой и сказал, что сотрудник хотя бы на юбилейном концерте послушать «Бухенвальдский набат» в исполнении Магомаева. Екатерина Алексеевна возразила: это невозможно, ибо он наказан. Андропов сурово ответил, что его Комитет меня не наказывал, поэтому мое выступление должно состояться. Так пришло «прощение».

А затем в Азербайджане к власти пришел Гейдар Алиев и всю армию искусств אליев под свою опеку, в том числе и меня. И сколько бы ни вспоминали ему сейчас — заслуженно или незаслуженно — различных ошибок, могу сказать одно: искусство он любил, относился к нам с должным вниманием и неизменно поддерживал.

Но вернусь к разговору с Губенко. И так, мой вопрос «Что делать?» касался не нашей с Тамарой личной судьбы, а культуры народа, страны. Неблагоустроенный народ — это ужасно, а нищий духом — катастрофа. Понятно, что песняники и книжники людей не пророкмишь, но уверен, что если человек от недостатка питания страдает, то от недостатка культуры попросту превращается в неандертальца.

Находясь в этот раз в Америке, я особенно ясно представил и масштабы «утечки» советских людей за кордон, и насколько устроилась их жизнь там: нет того ощущения «надрыва», «слезы», которое почти у всех прорывалось еще совсем недавно. Спокойнее, уравновешеннее стал бы иммигрант. Организовали свою Россию, свой прежний уклад, обо всем, что происходит на родине, информированы. Зато заметно, что слишком тесно стало на Брайтоне от приезжающих советских артистов. И интерес к ним поубавился. Бывает, что и залы не заполняются; и поднадоело, да и денег у меломанов не хватает на такое количество концертов. Поэтому я

в этот раз не стал петь в Нью-Йорке, за исключением благотворительного выступления на ежегодной предновогодней встрече ветеранов Великой Отечественной войны — наших соотечественников. Это мы осуществили с Борисом Бруновым, которого я случайно встретил на том же Брайтоне (он приехал в гости к кому-то). Наша советская врожденная безотказность сработала сразу, и мы отдали дань уважения фронтовикам.

— Подобные выступления у вас часто бывают! Или это единственный эпизод из американской жизни!

— Нет, не единственный: почти в каждый свой приезд в Нью-Йорк, помимо выступлений в концертном зале, я соглашаюсь на встречу с нашими соотечественниками в кафе «Зодиак», и они обычно проходят как «посиделки» в ресторане ЦДРИ в Москве. Встреча в «Зодиаке» ко всему прочему — дань признательности и симпатии хозяйке кафе — Нине, нашей хорошей знакомой. На встречах в «Зодиаке» я рассказываю гостям о нашей жизни, о новостях культуры, ою под собственный аккомпанемент. Это происходит при полной тишине, никто не стучит посудой, в эти минуты кухня не работает. Кстати, за границей выступления артистов в ресторанах — в порядке вещей, и почти все эстрадные «звезды» мирового класса не видят в этом ничего зазорного. Между прочим, почему-то никто не вспоминает о том, что, когда высшее руководство страны устраивало грандиозные праздничные банкеты в Кремле, наши маститейшие артисты (они сидели за отдельным от «злитых» столом, а то и вообще на задворках) выходили по вызову и под громкие тосты, ляг посуду, звон бокалов, топот официантов исполняли Чайковского, Рахманинова...

— А чем заполнен музыкальный быт, в частности, молодежь! Что поют, играют, танцуют! Что модно!

— У так называемой «зеленой» молодежи то же, что и у нашей, — постоянная неудовлетворенность, протесты, искания. Всегда новые группы, имена, течения. Разница только в том, что мы из-за бывших постоянных запретов сейчас плетемся сзади и подчас изготавливаем плохую копию того, что играют и поют на Западе. Думая, что творим «рок», играем элементарную «попсу» и так далее. Эстрада у нас всегда была на положении Зоолушки, которая так и не стала принцессой. Хорошо, что хоть сейчас некоторые наши талантливые молодые музыканты, певцы стали прописываться в мировую поп-музыку, записывать диски, сниматься на ТВ в других странах. Может, придет время, когда перестанем изготавливать копии и сотворим талантливые оригиналы. Тенденция к этому есть, несмотря на то, что захлмление эфира многочисленными псевдомузыкантами налицо. Зато всегда на высочайшем уровне в нашей стране стояла классика. Прекрасные писатели, художники, исполнители. Даже в самый застойный период серьезное искусство не заставилось. Приходилось трудно, талантливым людям не давали полной свободы творчества, запрещали, «рекомендовали». И все же музы были благосклонны к нашей земле. В то время родились такие музыканты, как Светланов и Ростропович, Вишневецкая и Арханпова, Рихтер и Гилельс, Ойстрах и Коган, Милашкина и Мазурок, Образцова и Нестеренко. Всех не перечислить. Какой же это застой в искусстве?

— А советская эстрадная музыка — как к ней относятся американцы!

— Никак. Они ее просто не знают. Для того чтобы она стала известна, нужно потратить немалые деньги на рекламу. Мы этого и раньше не могли себе позволить, а сейчас и подавно. Так и получается, что осведомленность Запада в нашей эстрадной музыке далека «Подмосковных вечеров» и «Като-

ши» не поднялась. Ведь в Америке певец — будь он даже вторым Фрэнком Синатрой или Лайзой Минелли — не может пробиться в «звезды» сам, без рекламы. А у нас совершенно не привыкли тратить деньги на такие вещи. Откуда же знать им нашу эстраду?

А что на ней творится? Даже я, никогда не фигурировавший в числе противников модной молодежной музыки, модных групп, наоборот — всегда выступавший «за», сейчас попросту уже ничего не понимаю: кто поет? что поет? в какой группе? По-моему, весьма знаменательно: в Америке ввели запреты на показ по телевидению низкопробных, низкокласных по профессиональному уровню групп, запретили выпуск их дисков. У нас же, напротив — все поют, кому надо и кому не надо! И деваются нелегко, особенно когда рекламная бизнес-программа, да еще с утра до позднего вечера. Поэтому ощущение после передачи «Музыка в эфире» и встречи с интеллигентнейшим ведущим ее Святославом Балзой — словно посетил храм.

Сегодняшнее телевидение певцов нашего поколения «списало» в программу «Это было, было...». Почему было! Никому в Америке на ум не приходит

давать Барбру Стрейзанд, Стиву Лоуренса или Тони Бенета в передаче «Это было». Они поют. Они слава, история американской музыки. Идут параллельно разные направления в искусстве: классика, стиль «кантри», красивая эстрада, лирическая песня, джаз, рок, поп-музыка. На все вкусы — пожалуйста, выбирайте. Только не надо отдавать предпочтение чему-то одному. Я убежден в этом. Надо разумнее и тоньше использовать возможности телевидения. Безусловно, в Америке, где тридцать с лишним телеканалов, такое просто сделать: не понравилось — переключайся на другое. Но и при наших скромных возможностях разнообразить программы вполне реально.

— К какому направлению вы причислили бы себя как исполнителя? Каким певцом себя считаете прежде всего!

— Прежде всего лирическим и драматическим. Конечно, меня увлекали и гражданская тематика и антивоенная тематика. Я пробовал себя во многих песенных жанрах. В юности боролся за рок-н-ролл, твист, шейк, всегда любил неаполитанские песни. Единственное, что было мне чуждо, это безликие песни-плакаты, песни-агитки. Я никогда не был склонен к внешнему, крикливому провозглашению мыслей и чувств. И вообще в жизни никогда никому не льстил, напротив — не мог скрыть возмущения негативными явлениями жизни. В песнях не произносил ни разу ни одного имени. Никого из правителей. Включая Ленина. Должно следовать своим принципам.

Как-то во Дворце съездов ко мне подошел «человек» с клавиром — песня «Наш Генеральный секретарь» (музыка Майбороды). Содержание ее — мини-биография Брежнева, к которому я питал, как и все тогда, теплые чувства. Я и сейчас считаю, что этот глубоко больной человек не в силах был в одиночку разрушить все наше государство с его могучим потенциалом. Но это мое субъективное мнение. Короче говоря, не мог я тогда, да и не полагалось прямо в лицо говорить: «Не хочу я петь про Брежнева». Пришлось скрывать — не успев выучить, теснота не подходит и т. д. «Человек» удалился, и песня была отдана другому баритону.

Сейчас весьма модно перечеркивать все, что было раньше: хорошие молодежные песни записали в разряд «застойных», и тех, кто их писал, также. Можно клеить позором тех, кто делал это беззастенчиво, халтурно, спекулировал на актуальности события, приспособлялся. А если талантливо, ярко, увлекательно — что же тут зазорного?

Вообще говоря, очень легко в наши дни рассуждать — почему не разоблачал недостатки, почему не выступал против разного рода безобразий... Я удивляюсь, как быстро все перестроилось, как мгновенно стали по-современному мыслящими. Слово бегуны на старте — ожидали выстрела пистолета. Курок нажат — и все сразу побежали, и сразу все стали такими «дружескими» перестройки, что дню даешься. Я думаю: какой же ты, оказывается, застойный был, что сейчас не поливешь никого в газете, не говоришь, что вот мой товарищ чуть не бежал, а вот тот напакостил, а другой Брежневу потакал или подражал. Я не понимаю порой, что у нас происходит — занимаемся болтовней, вместо того чтобы заниматься делом, уличаем, промываем косточки, дебоширим на могилах, ищем виновных.

Я был за перестройку тогда, когда она не начиналась. Я за демократию, но не за анархию. Ее пора бы прекратить и, пока не поздно, спасти страну, спасти народ, спасти культуру.

Записала  
М. ИГНАТЬЕВА.

● Винсент де Фини и Муслим Магомаев. Их сблизилась любовь к Ланца.